

84.2.Росб-5

P24

Андрей РАСТОРГУЕВ ТОРЫИВ

02 0712 pt

**С благодарностью всем,
кто помогал в издании
этой книги.
Автор.**

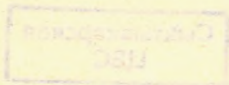
ВЕЩА ПОД
ВОЛН ПРОСЯТ КРОВИ
ЗДЕСЬ, НА ТОЙ СТОРОНЕ ЗЕМЛИ
МОЛЧАНИЕ О СЫНЕ

Сыктывкарская
ЦБС

**Сыктывкар - Усть-Сысольск
1994**

**БЕЛАЯ НОЧЬ
БОГИ ПРОСЯТ КРОВИ
ЗДЕСЬ, НА ТОЙ СТОРОНЕ ЗЕМЛИ
МОЛЕНИЕ О СЫНЕ**

Самаркандский государственный университет
Библиотека имени А. Навои
1981

PT

Андрей
РАСТОРГУЕВ

Порыв

079962

Стихи,
поэма

Сыктывнарская
ЦБС

Тебя не надо воскрешать -
ты никогда не умирала.
За веком гунна
век вандала
не в новь
тебе переживать.
Пускай опять временщикам
пришла пора -
их трон непрочен.
Твоим обветренным щекам
не подставляться
для пощечин.
Во глубине сибирских руд,
в подвинской
и печорской чаще
земной неименитый люд
Руси
по-прежнему причастен.
И, причащен твоей судьбе,
устае
от риторского треска,
он редко
молит о тебе.
Но если молвит -
слово веско.
В полях,
путях
и городах
досе движение живое.
Темнеет множество рубак
от пота ратаяе
и боев.
Да разошлась
былая нить,
что воцеляла
и крепила.
Кому дано соединить
их расточаемую
силу?

БЕЛАЯ НОЧЬ

* * *

Завет: без начертанной строчки
- ни дня.

Но долго ни строчки вослед
за первую книгой.

А люди меня

уже величают: поэт...

Приятно потешить

гордыню свою -

мгновения сладкие длю.

Но разве поэт,

если водки не пью

и матерных слов не терплю?

Сльву однолюбом,

по средствам живу,

а стало быть - вечная мель,

и сволочью сволочь

в глаза не зову,

и не предлагаю дуэль.

В моей родословной

немалый изъян

по милости века возник:

в родителях нет

ни крестьян, ни дворян,

выходит - ни песен, ни книг.

К назначенному

неизбежному дню

рубежных поэтовых лет

веревку в чулане своем

не храню,

тем более - пистолет.

Вне крика толпы,

но совсем не пророк,

глазное не светится дно.

И вылечить

этот врожденный порок

наверное, не суждено.

Но глядя

в неисповедимую даль,

отмерив начальную треть,

хотя бы на самую малую маль

к исходу

надеюсь прозреть.

* * *

Словно, брошенная, расколота
заповеданная бутылка:

по листве разливается золото,
истекая в дорожную пыль.

А наутро, прокравшись затемь
мимо ельниковых сторож,
листяное богатство татем
умыкает вселенский дождь...

* * *

Ночью всякому отрада:

соня спит,

гуляка - пьет.

Мне же ничего не надо,
если дождик ночью льет.

Было пресно, стало тесно
на душе от слов -

пора!

И поскрипывает кресло,
вторя кончику пера...

С теплой почвой терпеливо
устанавливая связь,

по законам перспективы

шапли падают сходясь.

В электрической подсветке -
цепь загадочных картин.

И поблескивают ветки,
точно нити паутин...

Когда девчонка
с волосами,
совсем подобными твоим,
мелькнет в сыром универсаме,
где за провизией стоим,
или по улице вечерней
одна меж парами пройдет,
неуловимое свечение
на темный город низойдет.
Меж зданий, тускло освещенных,
оно продлит свои лучи,
но из людей непосвященных
его никто не различит...
И волны светлого потока
вернут слепое время вспять
и через дальние далека
перенесут меня опять
туда, где кратки непогоды
в глуби еще любимых глаз
и обезумевшие годы
еще не изменили нас.
Еще мягки ладони наши,
негрубы мысли и слова,
и сладость горькая из чаши
еще пригублена едва.

НА ИВАНА КУПАЛА

I

На Ивана Купала
сойду, обнаженный, в реку
и тебя за собою
сведу босиком по суглинку,
и заклятое слово
над вязкой водою реку,
и лицо окуну
в отражение лунного лика...

Я по крови - язычник.
Мне ведом заветный язык.
Я его не таю,
но никто его слова не слышит -
только ветер колышет
зеленые плети камышин,
да железный архангел
под звездами пробует зык,
точно реку
за полосу принял
и просит посадки...
Только нам
не до труб его -
мы этих струй не покинем...
Но стихает камыш,
настороженно смолкли русалки,
и тревожны глаза
у печальной моей берегини.

II

Звезда золотая упала
и смеркла неведомо где...
Мы в ночь на Ивана Купала
сошли вереницей к воде.
Над резким откосом без чада,
светло полыхали костры.

Был истинный смысл обряда
от нашего знания скрыт,
уставы привычных приличий
на теле оставили ткань,
но давний обычай язгычий
сдвигал заповедную грань...
Извечные тайные соки
бродили в земной глубине,
и девочка в темной протоке
русалкой привиделась мне.
Минуя корявое лихо,
глядящее топляком,
я плыл за русалкою тихо,
неведомой силой влеком.
И волны от нас растекались,
качание ширя свое,
и ветви ракиит колыхались,
подобные прядям ее...
А после она их чесала
простым гребешком у огня
и долго украдкой бросала
испуганный взгляд на меня,
и взглядом ответным смутилась,
во тьму отвернула лицо...
И солнышком прокатилось
горящее колесо!

Оно полыхнуло и сгасло
на темной речной быстрине.
Кружится свинцовое прясло
на стареньком веретене.
Природа - прилежная пряха:
все трудится, не устает.
И вновь над полянами птаха
последние песни поет.
И вновь приспевает Купала,
забытый в людской суете...

Звезда золотая упала
и смеркла
неведомо где.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Лоскут заката
    обратился в полосы,
за родичами
    щелкнули замки.
Ты медленно
    расчесываешь волосы
и рассыпаешь
    белые цветки.
Но девичью опаску
    и смущение
за тьмою скрыть -
    напрасные мечты...
Опять вершится
    странное смещение
в декабрьский день
    июньской темноты.
Чудная замесь
    молока и небыли,
храняемая
в неведомой горе -
ее полночный морок
    не от снега ли,
что светится
    в морозном декабре?
Он неподвластен
    ветру пережежному,
но и ему
    однажды поутру
выходит срок.
И снова все по-прежнему:
на зиму солнце,
    лето на жару,
на убыль день,

а ночь - на прибавление,
и темень
возвращается в права,
и,
предвещая осени явление,
до времени
    желтеют деревья,
и снова дождь...
Но ничего не прервано.
Пусть мир
надолго в сумраке погряз,
но эта нерешительная,
    первая,
святая ночь
    еще белеет в нас.

* * *

Ты не схожа ни с одной мадонною:
хоть и солона твоя слеза,
но еще всеведенье бездонное
не вобрали ясные глаза.
Пясти - будто листья мать-и-мачехи:
то они шершавы, то мягки.
Все еще не полно, не оплачено,
не сошлось по линиям руки.
Ты еще не молишь о продлении,
жертвоприношение впереди...
Но с каким библейским просветлением
ты ребенка держишь у груди!

* * *

Переберу ключи,
как четки,
и в домовую чехарду
со звуком

простенькой чечетки
по сбитой лестнице взойду.
За одноглазыми дверями
неотличаемых квартир
мне снова удостоверяет
себя тысячеликий мир.
Уделы радости и горя
неравно розданы и тут:
здесь слишком часто
люди вздорят
и слишком часто
водку пьют.

Но мне
подняться надо выше -
туда,
где нет пути уже...
Ведь мы с тобой
живем под крышей,
на самом верхнем этаже.
Здесь тоже всякое бывает,
но убывает без следа.
И не беда, что заливают
весною талая вода.
Узнать иначе б
не сумели
в потоке будничной шуги:
подобны утренней капели
босые дочкины шаги.

БОГИ ПРОСЯТ
КРОВИ

079962

Сыктывкарская
ЦБС

* * *

Все чаще глаз
кладу на сулею.
Жизнь улеглась
в тугую колею.
Была густа
от новых мест и лиц.
Теперь проста
от ясности границ.
И нить пути
следя по городьбе,
теперь кати-
накатывай себе,
словесный плет
веди про бытие...
А время прет
по той же колее.
Его дыханье -
дыбом волоса!
Как вывернуться
из-под колеса?

* * *

Земные соки
с почвую едины,
по сумраку
не проведешь межу.
Но скрытые от глаза
половины
во всем
я неизменно нахожу
и стороны.
Что одному -
бессмыслица,
другому -
не отщется святей...
Бездонная кормушка
и кормилица -
две ипостаси
Родины моей.

ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ ГОД

ПАСХА

В тяжелые краски
тяжелых одежд
вливается ток синевы.
С окошек хозяйки,
как с новых надежд,
срывают бумажные швы -
весна распечатана!
И у весны
языческий дух куличей...
Но старые
непросветленные сны
приходят во мраке ночей.
Пускай расточается
снежная полсть
на желто-веселом огне.
Но лед недоверия,
прочен и толст,
не тает
в глазной глубине.
И руки тяжелые
настороже:
- А ну-ка,
попробуй ударь...
Термометры душ
на ином рубеже.
У дьявола
свой календарь.

АВГУСТ

Всего ужаснее неясность.
И люди стелются травой,
когда неясностью
опасность
проносится над головой.

Все ниже,
ниже,
ниже,
ниже
ее украдчивый полет,
и страх
сердца на нитку низжет
и оборачивает в лед.
Глаголь налево,
вправо - плаха:
ступай
замаливать грехи...
И, ошалелые со страха,
орут наутро
петухи.

ПОКРОВ

В церквях -
молитвы о покрове
от межусобиц и врагов...
А боги
снова просят крови.
И люди потчуют богов.
Как будто вновь
рубинным глазом
незаживающий проран
через века
прорезал разом
тьмутараканский истукан.
И вновь
белеет чей-то остов,
и снова жареным несет.
И славен тот,
кто сталью острой
по человеку полоснет.

А проклят тот,
кто, руку подняв,
в себя направит острие,
в зверином облике господнем
прозрев
подобие свое...

* * *

Передние люди
всегда заслоняют огонь,
поскольку они
по рождению раннему
выше
и в путь на рассвете,
нимало не мешкая,
вышли.

А мы лишь к полудню
сумели подняться вдогон.
Они в наипервом
и наиярчайшем ряду.
А нам достаются
лишь отблески
и отголоски.

Известное дело:
какие на свете подростки
не жаждали
выйти из тени
и стать на виду?
Часы же неспешны.
И, следуя каждому дню,
нас время равняет
и двигает ближе к огню.
Но крикнешь от боли,
а то и заплачешь навзрыд,
как только жестокое пламя
лицо опалит.

* * *

В России вдоволь светлых мест
и вдосталь пепелищ и ратищ.
Но воздвигался грубый крест
на месте идольческих капищ.
Что ж, время темное.

Но встык
тем временам -
иные весны.

И наземь падали кресты,
и возносились к небу звезды.
Опять эпоха впереди.

Но мешкать время перестало:
приходят новые вожди
и занимают пьедесталы...

Не все ль равно,
какую часть

господь
какому веку выдал?
Своя у каждого печать.
Свой неприкосновенный
идол.

МОЙ БОГ

Взыскуем бога.

Но в земной тщете
о Господе ли мним -
не господине?..

Мой бог

не видит блага
в нищете

и не прибит
ко грубой крестовине.

Мой бог греховен,
словно летний дождь,
водой неосвященной
люющий в губы.

Мой бог верховен
терками подошв
над землями его трудов
и гульбищ.

На сломе
окровавленных эпох
он бьет в колокола,
торит дорогу.

Но иногда на расстанях,
мой бог! -

кому он
поклоняется как богу...

Создатель
и всегда - материал,

в очередном
приливе озаренья

все обретал он
и опять - терял

в бездарной суете
столпотворенья.

Его жрецы
не жертвуют ему,

но самого
на жертвы подбивая,

возносятся...

И богу потому

я не молюсь,

безмерно
уповая.

* * *

На сходе
по счету какого неведомо
века,
но столь же безумного,
слаб человечности глас.
Так хочется в каждом из гениев
знать человека
и гения видеть
хоть чуточку
в каждом из нас.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Мной третий город
    выведан и обжит,
Я - третий я
за тридцать прошлых лет.
Двоих испепелил
    жестокий обжиг,
и лица их
    оправлены в багет.

Вернее, нет -
всего лишь третья тень,
отброшенная
    мною настоящим,
невидимым,
но так же проходящим
из ночи в день
и вновь -
    в ночную темь.

И меж тенями
    перерыва нет,
когда в ночи идешь
    от лампы к лампе...

Начав, как Тиль,
я, верно, стану Ламме
ко времени,
    когда потушат свет...

И если
на дорожном полотне
я раздвоюсь
    и вытянусь трехросто,
не поспешите с приговором.
Просто
два фонаря
светили в спину мне.

* * *

Нет меры перемен
на языке людей.
О святости слова
избиты и истерты.
В развенчанной стране
развенчанных идей
один венец в ходу
по-прежнему -
из терна.
Шипы буравят лоб,
но Книге вопреки
мучительней стократ
желание прозренья.
И верую: за то
слепому поколенью
за дальнею чертой
отпустятся грехи...

В года великого озноба,
когда грядущее темно,
не осквернить

холодной злобой
живое сердце мудрено.
И, как чудовищная завязь,
в глубинах

кроветворных сот
неслышно набухает зависть,
горчайший порождая плод.
В его секретной сердцевине
сокрыт губительнейший яд.
Но все отравленные

ныне
себе совсем иное мнят.

Не дай, Господь,
в глухой обиде
и мне отравленному быть...
Как это сладко -

ненавидеть!
И как мучительно -
любить...

Моя душа отходит от земли -
моей земли,

глухой и неуспешной.

Похоже,

в расставании неспешны,
от пирса отступают корабли.

Похоже, да не так.

Они уйдут,

швартовы прочь,

но связей не разрушив,
и самую обветренную душу
от берега они не оторвут.

Не то во мне.

Из многих пуповин

иные - в прах,

иные истончились.

Невидимые скрепы

истончились

и не соединяют половин...

Пускай

переплетение корней
надежнее,

чем лапы якорей,

когда ты

вырастаешь на песке,
все держится
на тонком волоске.

Он тянется

в земную глубину,

стараясь

обнаружить быстрину,

где

под тысячетлетнею золой
еще хранится
водоносный слой.

Но глубина

перезжимает ток,

и судорогой
катится глоток,
составы чужды
древнего настоя.

И,
пересохшим воздухом дыша,
отходит,
отделяется душа,
ища себе
вместилище живое
в ином кону,
ином краю...

Но ей
не пересечь
натянутых корней.

А пересечь -
не обрести подвоя.

В уходе - смерть.

И в неуходе - смерть.

Обычная в России
круговерть.

* * *

Возможно, стает снег.
Возможно, будет дождь.
Возможно, человек
опять посеет рожь.
Возможно, выйдет хлеб
потом из этой ржи...
Возможно, много лет,
возможно, будем жить...

ЗДЕСЬ,
НА ТОЙ СТОРОНЕ
ЗЕМЛИ

* * *

Что нагадаешь Родине моей
по линиям оттаявших полей
и голым

растопырившимся веткам?
Извечные надсаду и излом,
дороги, заплетенные узлом...
Не ошибешься.

В узорочье злом
любой узор ей ведом.

Но в мутное
вагонное окно

всей истины
провидеть не дано...

Ты просто едешь.
Времени полно.

Грех
не пофилософствовать при этом.

ЗЫРЯНСКАЯ РУСЬ

Уже не сведать
    по урманам
об изобилии Югры,
но мохом белым,
    как туманом,
твои подернуты боры,
и от неведомого часа
на перемены несмотря
лесные реки
    цвета кваса
текут
в полнощные моря.
Ты возвещаешь
    просветленье
душе,
вкусившей мятежа.
Дай Бог тебе
    благословенья
и сохрани
    от дележа!

ПЕЧОРСКИЙ СКЛАДЕНЬ

I

В истоке великой Печоры
я воду прозрачную пил.
Какого, казалось бы, черта
я в этом ручье позабыл?
Глядеть с вертолета на ельник
часами

    всего лишь затем,
чтоб срезать жене
        можжевельник
да выпить воды без затей?
Но властвует над человеком
незвонкое слово «исток».

И люди восходят по рекам,
ища первородный глоток.

И втиснется, может,
        на тризне
в надсадное бабье вытье:

«Узнав
    завершение жизни,
он знал
    и начало ее...»

II

Мелькали
    взвихренные листья,
а в мыслях бродили стихи,
когда
сквозь распахнутый блистер
бутылки

    слетели на мхи!
Сосед мой,
    как малые дети,
восторжен
    от горных чудес,

и вот -
захотелось заметить
свое пребывание здесь...

И сердце
ударило глухо,
и дрогнула
линия гор
с диковинным
русскому слуху
названием

Маньпупынёр.

Там,
во избежанье покражи,
от татей и прочих врагов,
оставлена крепкая стража
одним из забытых богов.

Сейчас

до меня донесутся
удары тяжелых шагов.

Сейчас

над горой вознесутся
семь каменных
мощных голов...

Но зря

низовые долины
и перемещенье планет,
недвижимы исполины
которую тысячу лет.

И, бросив небесные жала
в их каменные глаза,
за нами вдогон громыхала
в бессильной досаде гроза,
пока отдаленье и вечер
не спрятали горы во мгле...
Дурацкая блажь человечья -
оставить свой след
на земле.

Ш

Избитая бревнами запань
уже далеко позади.

Откидывай вытертый запон,
на палубу выходи!

Летучие блики похожи
на пряди серебряных трав,
и, словно

по скошенной пожне,
идут по реке катера.

В бору земляника поспела,
и скоро черника пойдет.

А там и важнейшее дело
рыбацкое -

сёмужий ход.

Охота на всякого зверя -
в открытую

и отай...

И напоминаем о мере
на вырубках -

иван-чай.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

Давно ль распут
    минула мрачность,
а снова солнце на меже:
сентябрь
    осеннюю прозрачность
являет в августе уже.
Уже тепло на половине
от прежнего
и стали мы
по уродившейся рябине
читать о холоде зимы.
И вновь
охапки серой пакли
волочит сиверко подвысь
и клюквы глянцевые капли
на мягких кочках
    напряглись...

МАГНИТОГОРСК

Здесь летнее солнце
по-южному жжет,
дотла выжигая весну,
а снег,

упадая на рыжий завод,
теряет тотчас белизну.

Изъедены

желтые горы над ним
зубами железных кротов,
и не прерывается
медленный дым,
идя из мартеновых ртов.

Во всех вариациях
слово «металл»

здесь

между главнейших имен.

Здесь я

в неподвижное время вращал,
не ведая связи времен.

И все же находит

сердечная резь,

и пишется до петухов.

Мне здесь

дым Отечества сладок...

Но здесь

моих не читают стихов.

СБОР ОБЛЕПИХИ

Утро истончало -
осени начало,
за горами
    спеют холода...
Гнутая железка
да рыбачья леска -
вот и все
    орудие труда.
Солнечные соки
в медленном потоке
на запястьях
    загорелых рук.
Капли жизни емля,
осыпает землю
рыжий
облепиховый жемчуг...

* * *

Маме

Твой путь не велик
и не шелков,
недолго на нем торжество.

С извечной
сермяжной кошелкою
ты продолжаешь его.

Бобровых
не знала оплечий -
известное дело:
семья...

По белому свету
далече
твои разошлись сыновья.
Какие воздушные пышки
на противне -
только твори!

Но знают
почти понаслышке
о бабушке внучки твои.

И сад обихоженный
веско
тебе воздает за труды.
Да от запустения
в детской
горчат
золотые плоды.

В одну и ту же реку дважды
не ступишь - истина проста.
А ностальгическая жажда
влечет в родимые места.
Там тихо движутся недели,
пропах пирожными уют,
там люди вечное не делят,
великое не продают.
В саду знакомо спеет вишня,
цветет клубника, ветер шал -
как будто, милуя, всевышний
в часах пружину придержал.
Как раньше, дом семиэтажий
тенят листвой карагачи.
За дверью прежней мебель та же...
Да порастеряны ключи.
Страшна семейная распайка,
хотя обыденной слывет:
за дверью новая хозяйка
хозяйство новое ведет.
Она пришлась по сердцу брату,
да не приветила родни...
Течение времени обратно
теперь попробуй - поверни.
Ты выбрал сам края иные
для самостийного пути
и вечной болью ностальгии
теперь за это заплати.
Что было - кончено. Страницу
перевернуть и заколоть...
А сердце все не примирится,
не отрезается ломоть.

Моя Германия в дожде,
вода по камню и асфальту,
и электрические смальты
пересыпаются в воде.
А много дальше на восток
в снегах, чиста - моя Россия.
Но, как во времена иные,
за вдвой спрятана платок.
Нет милосердия на свете:
живое - надвое и врозь.
Надломлена земная ось.
Мою Прибалтику насквозь
пронзает выстуженный ветер...
Чужого не переступи.
И до чужого что за дело,
когда ты вырос у предела,
на грани леса и степи?
На грань степи и удались...
Но вся земля невелика мне.
Творенья дерева и камня
во мне в одно переплелись.
Пускай недолгою зимой
не выпадает даже иней -
на берегах обеих Индий
своим мне кажется прибор.
Клочок своим хочу назвать
любой, хотя бы самый узкий.
Мне так положено. Я - русский,
и, стало быть, вселенский тать.
Но коль имперские задатки
растворены в моей крови,
то от Камчатки до Камчатки -
империя моей любви!

* * *

Отличие наше мгновенно
нутром постигаешь, едва
ступив из негромкой
ухоженной Вены
в содом «Шереметьево-два».
Опять полутемные залыцы
и выбитый грязный асфальт...

И враз отлетел
амадеевский Залыцбург
с витыми теснинами Альп.
И только в проеме экрана
отныне вернет объектив
громаду собора

святого Стефана
и кружево кирхи Вотиф.
В часу,
для зевак неурочном,
касаясь тяжелых дверей,
входил я,
постигнуть надеясь подстрочник,
казалось, чужих тропарей.
Скорбя о грядущей утрате,
но взором и станом пряма,
все так же смотрела в меня

богоматерь
с иконы чужого письма...
Ich spreche ein bisschen.*

Однако
здесь это умение зря.
Довольно и глаз -
человек одинаков.
Особенно у алтаря.

---

* Я немного говорю...(нем.)

По весне однажды
в Хельсинки
от собора на горе
мы спускаемся по лесенке
и -
встречаем хиппарей.
В самой силе
свежесть майская,
и, не вычесав волос,
хиппари глушат токайское
и целуются в засос...
Эка невидаль-диковина -
ей годов
уж двадцать пять.
Про такую пустяковину
надо ль нынче поминать?
Но подумай -
столько времени
не идут из головы
ни широкие ступени,
ни
кайф хиппующей братвы...
Мне бы к ней
пристроиться тишком,
посидеть, поговорить
и, сощурия глаз
под солнышком,
с нею «травку» покурить.
Установленное - побоку.
кто хиппует,
тот поймет.
Я, в конце концов,
не облако,
а совсем наоборот.
Подысканье смысла существу
тяжко, что ни говори...
Дайте, что ли, мне,
непьющему,
не особенно имущему,
по обычаю живущему,
причаститься,
хиппари!

Года крадутся
тихой сапой,
являя четкое тавро.
Но ловкий бес
еще не сцапал
за уязвимое ребро.
И для супружеского гнева
нет вовсе повода,
когда
все чаще всматриваюсь -
да! -
я в девочек
с глазами Евы,
еще не ведавшей плода.

* * *

Что выкроить
потомству для примера
из быстролетя,
прожитого мной?
Меняет все
обличье и меру:
великое
становится химерой,
речная рябь -
коростой ледяной,
утесы
перемальывает в гравий
дорожник
на потребу ездока...
Мой прежний мир,
в окошки фотографий
гляжу я на тебя
издалека.
И сквозь года
и темные леса
доносятся
былые голоса
и видятся
достойными полотнам
искусной кисти
лучших мастеров
друзья,
что сотворяли мне покров
в студенчестве моем,
полуголодном
не на еду -
на дружбу и любовь.
Пусть замужем
любимые мои
и замужем
те, что меня любили,

пусть юные желанья
  притупили
мы вялой повседневностью
  семьи,
пусть говорят,
      что нет уже страны,
которую мы
      вдоль исколесили,
пускай мы вообще
      не в прежней силе -
мы прежнему дыханию
  верны...

В округе
ничего не изменилось,
лишь местом
      поменялись полюса.
Опять негромки
      наши голоса,
в который раз
      попавшие в немилость,
и вместо мироздания
  лубок
нам снова
      набивают на скрижали.
И нами вновь
      располагает Бог
совсем не так,
      как мы тогда желали...
От нынешних
      и будущих страстей
мы вряд ли
      упасем своих детей.
Но можем передать
      как озаренье
совместный опыт
      самосотворенья.

* * *

И снова - дождь.
И мерный шум воды
отсеивает
    суетные звуки.
И выступают
    скрытые следы
из наслоений
    будничной доуки.
В привычной мере
мир наш невелик,
но успокой на миг
    свое дыханье:
людская страсть
в рядах затертых книг,
в кочне капусты -
    древо мирозданья...

* * *

Снова гуси кричат.
Через множество стран и сторон
дальний путь
в благодатные птичьи места.
А лесные осины
черны от ворон -
неспроста говорят:

сторона еще та.

Здесь, на той стороне земли,
вечно дождь.

Здесь, на той стороне земли,
вечно снег.

И за краткое лето,
что долгие месяцы ждешь,
не согрется до зимы

человек...

На крыло и -

под облачный полог.

лететь и лететь,
оставляя вдали холода,
города...

Но стою в сапогах
среди осенней грязи
и смотреть

за полетом гусиным могу лишь,

когда

здесь, на той стороне земли,
снова дождь,

здесь, на той стороне земли,
скоро снег,

и за краткое лето,
что долгие месяцы ждешь,
отогреться не смог до зимы

человек.

Что связало меня?

Не холодная топкая грязь,
не безденежье,
хоть и хватает в обрез.

Может, глупая вера,
что злая изменится связь
и, как этот
над речкой желтеющий лес
по весне зеленеет опять,
ты пройдешь -
это просто такой незадачливый век -
над моей стороной земли,
теплый дождь,
над моей стороной земли,
теплый снег...

МОЛЕНИЕ О СЫНЕ
поэма

Полутемен
деисусный чин.
Но глаза Спасителя -
иные...
В храме
    женщин больше,
        чем мужчин.
Видно, потому,
        что пожилые.
Все века
    поньше на Руси
женской оставалась
    доля вдовья.
Вот и шепчут:
    Господи, спаси...
Господи, и вправду -
    принеси
им пресветлый сон
    ко изголовью.
Пусть их нежит
    мягкая трава
в легких колокольцах
    повилики
и опять
    лесные деревья
рассыпают
    солнечные блики.
Пусть опять
    из недоступной тьмы
выступит
    единственный на свете,
и вернутся
    малыми детьми
ныне отдалившиеся
    дети...
Сделай так,
ведь Ты же всеблагий -
кто еще
от скорби их отнимет?

Посреди кадил
и панагий
я молю за них
и вместе с ними.
Дай им знак
сияющим огнем,
отпустив
смешные прегрешенья...

Мне ж
в недалеком будущем моем
предстоит
иное сокрушенье.
Не потоп.
Но сонмы катастроф
этого крушения не стоят.
Потому,
всевышний Саваоф,
я Тебя
дерзаю беспокоить.

I

Нагим пришел -
нагим уйду.
Но Боже,
когда ты есть,
позволь остаться мне.
Я не сменю
изношенную кожу,
как змеи,
просыпаясь по весне.
В семи водах
меня не отполощут
Твои благословенные дожди,
семи грехов моих
у Пирогощей
вовек не отмолить.
Но подожди -

не торопи
архангела с трубою:
свой знак
еще успеет он подать...
Доселе
над мою голову
Твоя не иссякала
благодать.
Чем выслужил, не знаю.
Но елико
Ты властен
в некорыстливой любви,
не отвори
сияющего лика
и милость предстоящему
яви.

Перед Тобой
удела не охаю
не потому,
что дадено сполна -
на небеса молюсь
и уповаю,
но им душа
не вовсе отдана.
Коль мы -
Твои подобие и образ,
в творении
и наше естество.
Ты грифелем наметил
тонкий обрис,
мы наполняем
красками его.
И потому
в потоке сотворенья
единая
нам явлена судьба.
И крестное
священное знаменье

я стоя
налагаю на себя...

Гордынею
с Тобюю соизмерясь,
не помня в озареньи
о кострах,
в такую
соблазнительную ересь
впадал, быть может,
не один монах.
Но вновь
изобретать велосипеды
нам не впервой,
беспамятным доднесь...
Ужели
все изведенные беды -
отмщенье
за языческую спесь?

Тогда Тебе
и в отомщеньи равен
неисчислимый
человечий рой:
с тех самых пор,
как был прикончен Авель,
не прерывался в нем
братоубой.
За днями дни,
за месяцами годы
в слепой неправоте
и правоте
сходились одиночки
и народы
в дому и поле,
в небе и воде.
Плоть и дыханье,
зрение и слух -
все уязвимо.

Всякое годится -
металл, огонь,

полет микрочастицы,
чтоб исторгать из тела
вражий дух...

Ты не пресек
безумной круговерти.

И,
на нее взирая с высоты,
похоже, Ты давно
не властен в смерти.

Но, слава богу,
в жизни властен Ты.

О ней мое моление,
о Боже.

Насыть голодных,
стылых обогрей,
укрой нагих.

Меня ж иное гложет:
моя жена

рожает дочерей.

Будь в сем
Твоя господня воля,
авва,

я, может,
и не стал бы возражать -
люблю и дочерей.

Но Боже правый -
она не хочет
сыновей рожать!

II

Век прожит зря.
Седеющие космы
его

опять
разметаны войной.

От микрокосма
и до макрокосма
все взорвано
конвульсией земной.
Казалось,
он уж столько наворочал,
что завершится
без убийтия.
Но не ошиблась,
нам бои пророча,
учительница старая моя:
еще, мол,
не бывало поколенья,
прошедшего по жизни
без войны...
В том было
не святое просветленье,
а давний опыт
русской стороны.
Но Боже мой -
кому кровавой дани
еще не уплатили мы сполна?
Сын у нее
погиб в Афганистане.
Да, то была война...
И не война.
Когда она вдали,
доходит туго:
чем трюк опасней,
тем занятней цирк.
Вот если тело брата
или друга
домой пришлют,
запаянное в цинк,
поймет навывлет.
Но в каком кошмаре
кому тогда
привидеться могло
то, что сегодня
в одури и гари

меж нами
наваждением легло?

Все видишь сам -
расписывать не будем.
Еще за отдаленною горой
шаманы бьют
в артиллерийский бубен,
но он теперь
не кажется игрой.
И все же почему,
не умаляя
неисчислимых
нынешних скорбей,
как о спасеньи мира,
умоляю

о рядовой
фамилии своей?
Что мирозданью
гибнущее слово,
когда и человечья жизнь -
пыльца?

Но в этом слове -
многая основа,
хотя и незаметная
с лица.

Страна моя,
пришедшая в разброд,
сметенная
в неведомую пургу!

Крестом
перетянул тебя мой род
от Киева
до Екатеринбурга,
от вятского урмана
и перми
до азиатской мари
Туркестана.

И вслед
за ослепленными людьми

влекомый
беснованьем урагана,
противостать
разгулу и татьбе
не в силах я.
Но нет во мне обмана.
И я креста
не ставлю на тебе...

Ш

Привычка
выставлять себя
на фоне времен
неистребима.
И, скорбя,
я, как старик
на жалком пенсионе,
осколком мира
чувствую себя.
Вокруг иные песни
и присловья,
а ты сиди
и прошлое итожь,
брюзжи себе под нос
на молодежь,
выпрашивай у Господа
здоровья,
хотя здоровье
тоже не вернешь.
Последние метанья
динозавра,
внезапно
осознавшего с утра,
что явью становящееся
завтра -
совсем
не повторение вчера,

и что рептилий век,
увы, не вечен
и наступает
царствие зверей...

А новый мир
и впрямь нечеловечен.
И что ему
до наших сыновей?
Пускай новы
святители и каты,
пускай другие
правят торжество,
ему, как прежде,
надобны солдаты,
чтоб заслониться
в случае чего.

Долг остается долгом,
силой - сила.
Но я не слышал
много лет подряд,
чтоб женщина
с улыбкой говорила
о сыне подрастающем:
- Солдат...
До тридцати
какие наши годы?
Но вот поди же:
прямо на виду
повыходили чепчики
из моды...
А черные платки
опять в ходу.

От тяжести
ружейного металла,
плечо мертвящей,
Господи, избавь.

Она меня
    недолго забавляла
во время
    наших воинских забав.
Кто полюбил
    тактическое поле,
команды
    неотвязчивый назой
и свежие
    кровавые мозоли,
набитые
    кондовою кирзой,
тот не в себе.
Не то, чтоб это мука
и муке несносимей
    не бывать,
а просто
    вопреки иным наукам
недобрая
    наука убивать.
На правого
    равняясь однорядца,
повзводно
    и поротно проходя,
здесь учатся
    умению сливаться -
в завесе
    долгожданного дождя
от капли капля
    так неотличима.
Но это для кручины
    не причина.
Дождь высохшую землю
    напоит.
А сколько их
    разбилось о гранит -
лишь одному Тебе
    исповедимо...

IV

Старинный крот истории

усерден -

все роет, роет

в окруженьи тьмы...

Но если этот мир

немилосерден,

зачем свой род

не прерываем мы?

Досаду

на растление земное

излив дождем

за сорок долгих дней,

зачем Ты сохранил

семейство Ноя?

Не постигаю

логики Твоей.

Подспудный смысл

и сущую природу

нам надо знать

в мерцании бытия.

Бесчисленное

множество народу

спивается

без этого зная.

Все в круг:

вода и солнце,

вход и выход.

Непостижима

истинная цель...

Скажи:

а, может,

это просто прихоть,

особенного рода

карусель?

Побаловался

лепкою от скуки,

благословя, крутнул,

и в день седьмой,
умыв
едва натруженные руки,
довольный
удалился на покой.
Пошли повеселее
век за веком
среди еще невинных
райских нег.
Но нужен глаз да глаз
за человеком,
поскольку он
всего лишь человек.
Коль так - долой,
излишняя додука!
И вот -
земля полгода под водой.
А чтобы вновь
не одолела скука,
был на развод
в живых оставлен Ной...
За тон такой прости,
седобородый.
Мне кажется,
ты молод был тогда.
И я недавно
лез, не зная броду,
да вразумила
быстрая вода.
Знать, в этом
и таится подоплека
навечного
зарока твоего
не проклинать земли
за человека,
поскольку зло -
от юности его.
И, так и не дождавшись
утешенья,

но веруя,
пока хватало сил,
не только человечьи
прегрешенья

Ты Сыном
на распятыи возместил.
Ты ведал все:
и поцелуй Иудин,
и вопли толп,
и грубые кресты.

Но все же
Ты Его направил к людям.

И, может,
потому остался Ты.

Для времени,
что все земное гложет,

равны
не только грек и иудей.

Бессмертные на деле
смертны тоже,

пока не пострадают
за людей.

Но если
не в продленье исступленья,
рождаемого

рухнувшей страной,
и не во продолженье
преступленья,

свершаемого
крепнущей войной -
ужель тогда

во имя искупленья
всех прегрешений,
сотворенных мной?

V

- Зачем?..

Ни ловкость рук,
ни связность речи,
ни способ
защищаться от угроз -
ничто и вправду
так не человечит,
как этот
незатейливый вопрос.

О том себя
пчела не вопрошает,
трудясь
на яркой чашечке цветка,
и беркуту
навряд ли он мешает
срываться в нападение
с витка...

В одном отринешь,
будто наважденье -
и множество
утрачивает связь.

Но прикасаясь
к таинству рожденья,
людскую он
теряет ипостась.

Есть непреложный смысл
у мироздания
иль вечно хаос
именем ему,
рождение
не просит оправдания
и не должно отчетом
никому.

А я
в непостижимом неуме
слова и мысли
продолжаю скать

и,
словно у начальства
на приеме,
убойный довод
пробую сыскать.
Зачем?
Да просто хочется -
до боли,
когда один
вздыхаешь тяжкий вес,
один под новину
корчуешь лес
и по весне
распахиваешь поле,
и в одиночку
снова да ладом
до холодов
не ведаешь покоя.
На этом поле
надо ставить дом.
Но одному ли
браться за такое?
Друзья жёнаты
все до одного,
у них свои хозяйства
и заботы.
А главное,
скажи мне: для кого
ворочать
эту вечную работу?
Коль дедовский обычай
не ломать,
невестка - в дом,
невеста - прочь без прока.
Хотя...
О том же
спрашивает мать,
зовя меня
вернуться издалёка.

Нас тяготит
родительская крепь,
и воздается нам
по мерам оным...

Рассыпалась
логическая цепь,
оставив чувство
непроизнесенным.
То ль небогато
красками оно,
то ль мне опять
не поддается слово...
Ты сам отец.
И в ворохе половы
уведаешь
весомое зерно.

Прочь
сокрушенье прожитого века
и дальний
непроглядный окоем!
Внемли с небес
моленью человека:
оставь меня
в наследнике моем.
Когда уйдет
безжалостное пламя,
как непонятный
приступ дурноты,
в нем будет все:
фамилия и память,
страна и мир,
вселенная
и Ты.

октябрь 1992 - апрель 1993 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

«Тебя не надо воскрешать...»	с.4
БЕЛАЯ НОЧЬ	
«Завет: без начертанной строчки - ни дня...»	с.6
«Словно, брошенная, расколота...»	с.7
«Ночью всякому отрада...»	с.8
«Когда девчонка...»	с.9
На Ивана Купала	с.10
Белая ночь	с.13
«Ты не схожа ни с одной мадонною...»	с.15
«Переберу ключи, как четки...»	с.16
БОГИ ПРОСЯТ КРОВИ	
«Все чаще глаз кладу на сулею...»	с.18
«Земные соки с почвою едины...»	с.19
Девяносто первый год	с.20
«Передние люди...»	с.23
«В России вдоволь светлых мест...»	с.24
Мой бог	с.25
«На сходе по счету какого неведомо века...»	с.26
Ночная прогулка	с.27
«Нет меры перемен...»	с.28
«В года великого озноба...»	с.29
«Моя душа отходит от земли...»	с.30
«Возможно, стает снег...»	с.32
ЗДЕСЬ, НА ТОЙ СТОРОНЕ ЗЕМЛИ	
«Что нагадаешь Родине моей...»	с.34
Зырянская Русь	с.35
Печорский складень	с.36
Предчувствие осени	с.39
Магнитогорск	с.40
Сбор облепихи	с.41
«Твой путь не велик и не шелков...»	с.42
«В одну и ту же реку дважды...»	с.43
«Моя Германия в дожде...»	с.44
«Отличие наше...»	с.45
«По весне однажды в Хельсинки...»	с.46
«Года крадутся тихой сапой...»	с.47
«Что выкроить потомству для примера...»	с.48
«И снова - дождь...»	с.50
«Снова гуси кричат...»	с.51
Моление о сыне. Поэма	с.53

84P7-5
P24

Издание осуществлено
за счет средств автора

Андрей Расторгуев

P24 **Порык** Стихи, поэма - Сыктывкар, 1994 - 71 с.

ISBN 5-900280-34-9

Андрей Расторгуев - участник Всероссийского совещания молодых писателей, проходившего в Москве с 1 по 4 февраля 1994 года. На этом совещании он был принят в Союз писателей России. В стихах и поэме, вошедших во вторую книгу поэта, как и в ее заглавии, в полной мере отразились любовь, боль и надежда нашего смутного времени.

84P7-5

ISBN 5-900280-34-9

Издательство А. И. Расторгуев
Сыктывкар, 1994

Кудряков Е. И. Расторгуев
Научно-исследовательский институт
Литературы и Искусств Республики Коми
Сыктывкар, 1994

© Расторгуев А. И., 1994

ПОРЫВ

Стихи, поэма

Художник Е. П. Борисевич.

Компьютерная верстка А. Г. Лаврик.

Отпечатано в АО «Коми республиканская типография». Формат 70×90/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,63. Уч.-изд. л. 3,19. Тираж 5000. Заказ № 1620.

© Расторгуев А. П., 1994.

